вителя, строгого и неукоснительного исполнителя законов. Разительный пример требовательности Петра видит Румянцев в отношении царя к Меншикову: «Всем известно, что ближайшие его любимцы и самые заслуженные, обличены будучи в законопреступлениях, были наказаны с тою же точностию, как и последний, подпавший под власть судейскую. Меншиков, который почасту управлял империею, имел, однако ж, предстать пред нею с повинением, свидетельствующим действие законов; будучи обличен, не взирая на милость своего покровителя, он наказан был со строгостию, самим государем похваляемою. То время, в которое все сие творилось пред лицом народа, не возглашает ли справедливости и почтения государя к законам?» — спрашивает С. П. Румянцев (III, 175—176). Привлекательными кажутся ему и личные качества Петра: твердость нрава, обширность разума, трудолюбие, упорство и постоянство в «исследовании своих предприятий» (III, 172).

В силу этого Румянцев решительно отвергает нападки иностранных писателей, не постигнувших величия Петра, и назначает ему «между великими государями первое место» (III, 170).

Автор статьи искренен в своих суждениях: им не руководит ни «ласкательство», ни «пристрастие», так как, по его мнению, «везде духа Петра клеймо чувствительно» (III, 172). В то же самое время образ Петра представлен Румянцевым односторонне. Хотя он и не скрывает «строгости» императора, но оправдывает его «насильства» государственной необходимостью, «пользой намерений» и «желанием благополучия» (III, 172).

До высоты разностороннего анализа деятельности Петра, имеющегося у Радищева, Румянцев не в состоянии подняться. Значительно ближе по своим воззрениям автор статьи о «Петре Великом» к Фонвизину. Оба писателя — сторонники законности, противники вельмож-фаворитов, защитники достоинств человека. Оба с враждой, которая прорывается в их суждениях, относятся к режиму Екатерины II. Во всем отдавая предпочтение Петру, Румянцев попутно и как бы нехотя бросает несколько вежливых фраз в адрес императрицы. Однако в Екатерине он видит лишь «порождение Петрово». История предназначила ей «утвердить гражданское наше положение», так как тяжкая и долговременная война помешала ее великому предшественнику позаботиться об этой стороне государственной жизни (III, 175).

Политический смысл статьи С. П. Румянцева, нелестный для Екатерины, был понят ею и вызвал ее гнев. «Императрица, — писал позднее Румянцев, — была крайне недовольна».⁶²

Румянцев не предполагал, конечно, что вскоре после напечатания первой статьи его аноним был уже разгадан, а за спиной автора между Екатериной и Дашковой по поводу второй статьи

⁶² С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 850.